

Содержание

Что все это значит.....	7
1. Журналист не меняет профессию <i>Как стать реальной четвертой властью в маленьком дальневосточном городке</i>	10
2. Мужики летят на биеннале <i>Кто такой дядя Коля и зачем он уговорил жителей села Звизжи стать великими художниками</i>	28
3. Маленькая гражданская война <i>Почему шестеро патристически настроенных юношей решили убивать полицейских.</i>	43
4. Душа фээсбэшника <i>Разговор с человеком, который никто и звать его никак</i>	61
5. Екатеринбург рулит <i>Откуда в Россию придут свобода и демократия</i>	78
6. Бразилия такая Бразилия <i>Что должен знать об этой стране человек, которому футбол по барабану.....</i>	96
7. Криминальное чтиво <i>Справедливость по-американски: от наказания до оправдания</i>	122
8. Архипелаг никак <i>Почему мы можем потерять Шпицберген, так и не поняв, что он у нас есть</i>	146
9. Тарарышкина революция <i>Жители города Белоусово свергли власть «Единой России». Что дальше?.....</i>	169
10. Заборобой <i>Что значит «Сюда нельзя!» и как с этим бороться</i>	190

11. Бунт богачей	
Можно ли спрятаться от собственной страны в крутом элитном поселке	211
12. Мужик работает	
Что хочет сказать стране Юра Огурец из села Россолово	224
13. Гора родила	
Семь историй о том, как кузбасские ватники превратили шахтерский поселок в крупнейший горнолыжный курорт России	242
14. Ни шагу назад	
Как украинские беженцы оказались на Камчатке и зачем они все время улыбаются	264
15. Жизнь после Лумумбы	
Почему врачи в Шри-Ланке ругаются матом, мечтают о снеге и скучают по скинхедам	287

Что все это значит

Академии художеств, как правило, выпускают посредственных художников. Литературные институты плодят энергичных эпигонов. Факультеты журналистики дают хорошее образование, но они не могут, да и не должны научить главному — работать журналистом.

Невозможно научить профессионализму. Но можно рассказать, как достичь его самостоятельно.

Исходя именно из таких соображений, 24 июня 2008 года я сделал в своем ЖЖ-блоге такую запись:

«С сегодняшнего дня начинаю вести здесь что-то вроде вялотекущего мастер-класса на тему “Что такое репортажи и кто такой репортер?”

Буду делать это по мере возникновения в голове тех или иных профессиональных соображений, поскольку никакой стройной теории на этот счет у меня нет и никогда не было.

Соображения будут появляться хаотично. Они могут касаться самых разных профессиональных аспектов — от стилистических и технических до моральных и аморальных. Они могут местами повторяться, а иногда даже друг другу противоречить. Ничего страшного.

Прошу не воспринимать эти соображения как образец для подражания.

Все это лишь результат моего опыта — в том виде, в каком он сложился в соответствии с моими личными данными. У кого-то и данные, и опыт могут быть другими, а значит, и по-другому сложится путь.

Чтение этих соображений может лишь способствовать тому, чтобы этот собственный путь скорее обрел какие-то очертания».

С тех пор под тегом «Мастер-класс» я регулярно писал свои профессиональные заметки и соображения. Сначала это занятие казалось мне легкомысленной забавой, но с каждым новым постом реакция аудитории становилась все более живой и заинтересованной. В конце концов идея этой книги родилась самым естественным образом. Читатели в своих комментариях стали требовать, чтобы я объединил разрозненные заметки под обложкой книги и дал им возможность ее купить.

Одни аргументировали это так: «Ну почему всему этому не учат на журфаках?! Ваш мастер-класс возбуждает во мне профессиональные амбиции и в то же время лишает многих подростковых иллюзий. Если бы эта книга вышла, я бы выдал ее выпускникам нашего факультета вместе с дипломом».

Другие объясняли свой интерес так: «Вообще-то, к журналистике я не имею никакого отношения, я по профессии художник, у меня собственное дизайнерское бюро. Но если бы такая книга вышла, я бы ее купил и поставил на видное место. Многие ваши “соображения” я даю читать своим подчиненным. Даже когда вы пишете о сугубо репортерских делах, эти слова актуальны для любой творческой профессии».

Были и такие комментарии: «Я мать двоих детей, вообще нигде не работаю и не собираюсь. Но мне почему-то все равно интересно следить за этой рубрикой».

В результате я постарался сделать «Реального репортера» таким, чтобы в нем переплетались три начала:

1. Педагогическое. Пусть для кого-то из студентов факультета журналистики эта книга будет просто «учебником будущей жизни».
2. Профессиональное. Настоящим специалистам всегда интересно слушать друг друга, даже если они специалисты в разных областях. Путь репортера мало чем отличается от других профессиональных путей.

3. Литературное. Профессиональные соображения переплетаются в этой книге с репортажами, написанными мною в двадцать первом веке. Я это сделал для того, чтобы показать, как работают те или иные приемы, изложенные в моем «Мастер-классе». Но это не единственная причина.

В первом издании «Реального репортера», которое вышло три года назад и стало бестселлером, хрестоматийный раздел книги представлял собой «краткое содержание эпохи». Так получилось, что я стал свидетелем почти всех важнейших событий и явлений, которые Россия пережила в новом тысячелетии, — от «Курска» до Кущевки, от исламского терроризма до государственного монополизма. Но в новом издании, которое вы держите в руках, я не только существенно расширил список профессиональных соображений, но и полностью обновил хрестоматийную часть. Почему? Просто за эти три года я успел понять, что главное содержание истории не события, а люди. И я вижу, как в нашей стране рождается принципиально новый тип героя — русский оптимист. Это не обязательно тот, кому все нравится или у кого все хорошо. Это обыкновенный предприниматель собственной судьбы. Человек, который не навязывает ответственность за свою жизнь окружающему миру. Он может ошибаться, он не застрахован от жестоких поражений, но он никогда не бездействует. И я решил вам в этой книге про таких людей рассказать. Еще и потому, что если вы хотите достичь успеха в журналистике или любой другой профессии, то прежде всего вам придется научиться оптимизму. Ну что, начнем?

Журналист не меняет профессию

*Как стать реальной четвертой властью
в маленьком дальневосточном городке*

Татьяна Седых — самый известный в России маленький журналист. Она живет в портовом поселке Ванино Хабаровского края. Семь лет назад начала выпускать здесь независимую газету «Мое побережье». Результат — сожженный дом и автомобиль, покушение на жизнь, премия Артема Боровика, премия Андрея Сахарова, целая стена, увешанная наградами. Но уважение именитых журналистов не мешает ей считать многих первостепенных людей своей профессии предателями. Разговор с коллегами из Москвы Татьяна, как правило, начинается так: «Где вы были, когда меня убивали?» Она не издевается, ей правда интересно.

* * *

Ванино — это место, где соприкасаются два исторических призрака, добрый и злой. Знаменитая Байкало-Амурская магистраль упирается здесь в печально известный Ванинский порт. Последний участок пути построен ээками еще в сороковые годы. Построен на скорую руку, поэтому поезда теперь ходят медленно, прихрамывая — точно так же, как идет по поселку Татьяна Седых.

Возле двери редакции ее ожидает молодой человек с заискивающим выражением лица. Он похож на студента, пришедшего

в десятый раз пересдавать зачет. Но сегодня «преподаватель» в плохом настроении: говорит «студенту», что тот опять опоздал, причем на два дня, награждает несколькими жесткими замечаниями и отправляет восвояси.

— Татьяна, я правильно понимаю, что парень пришел к вам устраиваться на работу, а вы его жестоко отбрили?

— На работу?! — Кажется, я резко поднял ей настроение. — Не беспокойтесь, этот мальчик неплохо трудоустроен, он из местного РОВД. Полгода назад к нам в редакцию залезли неизвестные, и этот опер с тех пор только и делает, что назначает время и не приходит, а потом сам является без предупреждения, когда я сильно занята. А главное — никакого толку, только бумажками жонглирует, и все. Кстати, Дим...

— Что?

— Вообще-то, ты тоже не совсем вовремя. — Татьяна меняет тембр голоса, и я сам резко становлюсь «студентом». — Давай завтра после обеда приходи. Я сегодня номер сдаю, дел по горло до самого утра.

«Мое побережье» — это четыре полосы формата А3, то есть с десяток заметок плюс фотографии. Пока Татьяна Седых пашет над номером, я тоже немного поработаю в стилистике районной газеты. Документальная фантастика — самый подходящий жанр, чтобы изложить ее собственную биографию.

Трагедия в Москальво

«Печальные новости пришли из самого дальнего сахалинского порта. Еще год назад в семье местных геологов и представить себе не могли, что травма ноги может стать для их ребенка фатальной. Чтобы избежать заражения крови, двенадцатилетней Тане пришлось ампутировать ногу. Когда девочка поступила в больницу Хабаровска, врач пришел в ужас: случись подобное не в отдаленном поселке, а в краевом центре, ногу удалось бы сохранить. “Все, что нужно было для лечения, — это своевременное профессиональное вмешательство, которого не оказалось в Москальво”, — прокомментировал случившееся заведующий хирургическим отделением».

Почта главного редактора

«Вот какое любопытное письмо пришло к нам в редакцию. “Уважаемая газета ‘Молодой дальневосточник’! Мне 15 лет, но у меня уже есть мечта — стать журналистом. Я выписываю все главные издания страны, но сама пока пишу только в школьную стенгазету. Вот только родители категорически против. Они меня уверяют, что надо выбрать какую-то более простую и сидячую профессию. Но неужели быть журналистом — это так недостижимо?! Мне очень нужна ваша поддержка, я надеюсь на такой ответ, который можно было бы показать родителям и сказать: вот видите, у меня есть надежда! Татьяна, пос. Москальво”.

Что Вам ответить, милая Татьяна? Журналистская профессия действительно привлекает многих, но почему-то мне кажется, что Ваши мама и папа правы. Подобных писем мы получаем много, и каждый раз в голову приходит одна и та же мысль: ну почему все хотят стать писателями, учеными, актерами кино, в крайнем случае журналистами? А кто будет печь хлеб, ловить рыбу, тушить пожары, ловить преступников? Ведь в нашей советской стране в почете любой труд, и творческое начало есть в каждой профессии, надо только по-настоящему ее любить. Подумайте об этом, Татьяна».

Праздник в гарнизоне

«Сегодня в нашем авиаполку пополнение. На торжественном построении командир Джохар Дудаев объявил о прибытии группы лейтенантов из Пермского военного авиационно-технического училища. Вечером в Доме офицеров по этому случаю был организован праздничный концерт, вчерашние курсанты знакомились со старшими офицерами. Сергей Седых представил свою супругу Татьяну — он пока единственный из пополнения женат. “Мы познакомились случайно, на вокзале в Кирове: я ехала в Горький, а он в Пермь, — рассказала супруга офицера. — А потом он мне письмо написал. Откуда адрес узнал, так до сих пор и не признался”.

Кстати, Татьяна Седых — профессиональный портной, шьет на заказ. Так что с сегодняшнего дня в нашем гарнизоне не только окрепнет боевой дух, но и пополнятся гардеробы боевых подруг офицеров».

* * *

— А вот и он! Белый куб.

В среду из типографии в редакцию доставляют большой бумажный постамент — тираж очередного номера «Побережки».

Краткое содержание:

Передовица — репортаж о том, как школьный десант чистил от мусора близлежащий остров Токи, на котором уже много веков тусуется нерпа.

Расследование — попытка добраться на инвалидной коляске от вокзала до администрации района. На эту тему газета долбит местные власти давно и методично: поселок Ванино и так стоит под наклоном в сторону порта, а тут еще бордюры и колдобины. Результат эксперимента: расстояние, которое обычный человек проходит за пять минут, колясочник преодолел за час.

Грустный очерк — о том, как машинист на пенсии тоскует по железной дороге.

Духоподъемный очерк — про молодого и крепкого парня, который начинает карьеру водолаза.

Фельетончик — о том, как главный капитан порта наехал на Таню Седых за то, что ему не понравилось, как о нем написали в предыдущем номере.

Почта читателей — почему в последнее время прибой стал какого-то желтого цвета? Редакция взяла пробу в бутылочку и отправила на экспертизу. О результатах обязательно проинформируем.

Ну и как всегда, «хроника беззакония», спортивные вести и астрологический прогноз.

Вечером в среду у Татьяны самое трудное время — приходится ничего не делать. Две сотрудницы фальцуют газеты, вкладывают в них телепрограмму, грузят пачки в сумки на колесиках и развозят по точкам. А Татьяна, у которой позади сорок часов непрерывной работы, подписывает бумаги, получает деньги и героически борется со сном.

— Леночка у нас молодец. — Это Седых ласкает словом свою первую сотрудницу. — Сын умница, с мужем повезло: он недавно сам всю квартиру отремонтировал. Раньше она

в детском саду работала нянечкой, но пальцы не слушались, часто посуду била. К нам сюда Лена приходила за бесплатной газетой, так и осталась. А Надя и вовсе герой: трое детей, спортом занимается — стрельба, шахматы.

Лена с Надей молча расплываются в улыбках и, чтобы как-то справиться с волнением, начинают работать еще быстрее.

В «Побережке» свой КЗОТ: все сотрудники — люди с ограниченными физическими возможностями, других Таня не берет. Впрочем, всю творческую работу Седых делает сама вместе с парочкой внештатных авторов — это единственная бизнес-модель, которая позволяет существовать районной газете. Альтернатива — вплестись в вертикаль. Так, например, поступила вторая местная районка, газета «Восход». Теперь читать ее невозможно, зато там работают пятнадцать штатных сотрудников. Когда-то там работала и сама Седых.

— Я занялась журналистикой в конце девяностых, когда мне уже было под сорок. — Как мячик из речки, выпрыгивает из сна Таня. — Всю жизнь была женой офицера, кочевала по гарнизонам, зарабатывала на жизнь кройкой и шитьем и все никак не могла окончить свое филологическое образование. Первый наш гарнизон был под Иркутском, на Байкале, там командовал авиаполком Джохар Дудаев, тот самый. А потом нас переводили все дальше, дальше, и в девяностые мы оказались тут, на краю земли. Здесь меня пригласили работать в редакцию, и я решила: все, хватит. Потом мужа опять перевели, а я осталась в Ванине: моя мечта только-только начала осуществляться, и я уже не могла снова все бросить. Я с детства мечтала о журналистике, но после того неудачного письма в «Молодой дальневосточник» осталась неуверенность на всю жизнь.

— А чего вы из «Восхода»-то ушли?

— Сначала мне все очень нравилось: там был отличный главный редактор, и это были еще девяностые. Но потом начались нулевые, в районе сменился глава, он поставил другого главреда, и закрипели гайки. На меня пошло давление, мои тексты стали все чаще снимать, перестали пускать на планерки в администрацию. В общем, в какой-то момент

я поняла, что придется выбирать: либо уходить из редакции, либо из профессии...

Открыть собственную газету оказалось на удивление легко. На регистрацию ушла неделя времени и 500 рублей денег. Первый номер делали в домашних условиях, на одном компьютере. На радостях тираж заказали королевский — 10 тысяч экземпляров.

Ночной пожар

«Чудом удалось спастись из огня главному редактору газеты “Мое побережье” Татьяне Седых и ее дочери Жанне. Возгорание произошло ночью, когда они спали. “Нас спасло только то, что в одном из окон не было решеток”, — рассказали погорельцы, которые пока обитают на съемной квартире.

По мнению Татьяны Седых, пожар случился в результате поджога, эксперты-криминалисты эту версию подтверждают. Благодаря слаженным действиям огнеборцев пожар не затронул вторую половину дома, где проживает еще одна семья, но жилище Татьяны Седых восстановлению не подлежит. Огонь уничтожил также припаркованный рядом автомобиль и весь тираж первого номера газеты “Мое побережье”, которая утром должна была появиться в киосках. “Я уверена, что кому-то очень не хотелось, чтобы это произошло, — считает Татьяна. — Но мы выпустим нашу газету во что бы то ни стало”.

Сбор помощи попавшей в беду коллеге уже объявили среди журналистов всего Хабаровского края».

Вовремя оглянулась

«Загадочное происшествие случилось минувшей ночью во 2-м микрорайоне поселка Ванино. В РОВД обратилась главный редактор газеты “Мое побережье” Татьяна Седых. По ее словам, на нее только что было совершено покушение. Инцидент произошел на пешеходной аллее, идущей вдоль одного из домов. Зимой в результате чистки снега она превращается почти в тоннель. Именно по ней шла гражданка Седых, когда вдруг услышала позади себя подозрительное шуршание. “Я оглянулась и увидела, что прямо на меня несется автомобиль с включенными фарами, — рассказала пострадавшая. — Он еле

помещался в размеры дорожки, снежные завалы больше метра высотой. Попыталась, чтобы выбраться из ловушки, просто упасть в сторону, и каким-то чудом мне это удалось. Номер автомобиля не разглядела, он не был освещен”.

Работникам РОВД еще предстоит выяснить, что это было — действительно попытка покушения или пьяная выходка подгулявшего местного жителя».

Зачем позорить район?

«На минувшей неделе о Ванине говорили не только в Хабаровске, но и в Москве, причем не лучшие слова. Произошло это после того, как краевая радиостанция “Восток России” выпустила в эфир так называемое расследование. Приезжий корреспондент ходил по торговым точкам и спрашивал, почему в них перестали распространять газету “Мое побережье”. И продавцы якобы отвечали ему: потому что поступило негласное указание из администрации района.

Нетрудно догадаться, откуда в краевые СМИ поступил “тревожный сигнал”. Газета “Мое побережье” выходит в районе уже третий год, и положительная публикация о работе местных властей в ней большая редкость. Неудивительно, что все эти годы она неуклонно теряла своего читателя: нельзя постоянно кормить людей “чернухой”, должны быть и хорошие новости. Стоит ли удивляться, что в какой-то момент держать “Побережку” на прилавках стало невыгодно и распространителям? В этой ситуации для ее главного редактора остался единственный способ спасти свой бизнес — громкий скандал.

И неважно, что теперь все герои расследования “Востока России” утверждают, что ничего такого они не говорили. Дело сделано, тень брошена на весь район — ради чего? Ради корыстных интересов одного горе-журналиста, пытающегося любой ценой навязать людям свою злобную газетку».

* * *

— К тому времени я осталась одна в чужой пустой квартире, куда меня пустили друзья и где я живу до сих пор. Сын Тимур еще до пожара уже работал в Хабаровске, а потом уехал в Пекин — можно сказать, стал китайским чиновником.

А дочь Жанну, как только она окончила школу, пришлось эвакуировать в Москву. Теперь она работает стюардессой в S7.

Кто воевал против нее, Татьяна так и не поняла. Но период боевых действий странным образом совпал с годами руководства районом Богдана Мусяновича — бывшего главы местной транспортной полиции. В портовом городе это скромное вроде бы подразделение имеет особый вес. В лихие девяностые, которые здесь подзадержались до середины нулевых, Ванинский порт был одним из перевалочных пунктов доставки в Россию японских подержанных иномарок. Те, кто гнал машины стадами, уже знали, кому и сколько надо отстегивать. А случайные бизнес-романтики попадали на беспредел и платили сломанными судьбами, а то и жизнями.

— После первого же критического материала началось что-то мистическое, — вспоминает Татьяна. — Было такое ощущение, что кто-то нажал кнопку, и я оказалась вычеркнута из реальности. После того как сожгли дом и машину, нашу съемную квартиру регулярно пытались грабить. Не давали прохода дочери. Выпустили номер-двойник с лживыми статьями. Угрожали по телефону. Однажды я пришла в редакцию, а компьютер включен — значит, кто-то ночью проник в помещение и что-то скачивал. Зачем-то украли табличку на входе, хотя она не из цветметалла. Дело о покушении завязло в полиции, как в болоте. Газету по указанию сверху перестали принимать в торговых точках. Я думала, с ума сойду. Стала звонить коллегам в Москву: не дайте им меня задуть, нужна информационная поддержка!

Татьяна обращалась к очень известным журналистам: Борису Резнику, Леониду Парфенову, Вадиму Такменеву — ее отфутболивали, принимали за сумасшедшую. Она продолжает называть имена, а я с ужасом роюсь в памяти: нет, мне вроде не звонила.

— Однажды я случайно узнала, что существует какой-то Фонд защиты гласности, и написала туда письмо ненависти: «Где ваша помощь?! Вы кого вообще защищаете?!» После этого они стали интересоваться моей судьбой, регулярно писали со своей стороны какие-то бумаги по инстанциям. Толку

от этого было мало, но и на том спасибо. А потом в Хабаровске состоялось выездное заседание Общественной палаты, что-то на тему СМИ и общества. Павел Гусев там был, Николай Сванидзе. Я туда тоже приехала — деньги на дорогу назанимала — и закатила речь, от которой представители краевой администрации съежились. И что? А ничего. Московские гости произнесли какие-то дежурные замечания и на этом успокоились. В общем, журналистская солидарность оказалась понятием весьма относительным. Если бы не хабаровское радио «Восток России», может, «Побережки» уже давно бы не было. Ребята приехали, сделали классное расследование — после этого газета вернулась в торговые точки и вообще нажим на меня немного ослаб.

Однажды каким-то рикошетом из интернета в Татьянин почтовый ящик влетело письмо от оргкомитета премии имени Артема Боровика. С призывом ко всем региональным журналистам присылать на конкурс свои публикации. Кто такой Боровик, Таня знала, что такое его премия — нет, поэтому про письмо благополучно забыла. Но тут в Ванине случилось событие, которое заставило о нем вспомнить.

Пасха для братвы

«Эту пасхальную ночь многие из ванинцев запомнят надолго. Как рассказывают очевидцы, два часа на их глазах какой-то пьяный мужик куролесил в церкви: кидался куличами и яйцами, плевал на иконы, жевал свечи, хватал за грудки и крыл матом всех, кто попадался на его пути. Люди в страхе разбежались кто куда, зато на “карнавал” с разноцветной яичной скорлупой спокойно взирали сотрудники полиции. Со стороны. Словно они не на дежурство выехали, а так, погулять вышли. Многочисленные уговоры пойти и усмирить хулигана на них почему-то не действовали. За два часа к церкви было стянуто четыре экипажа (это восемь полицейских, находящихся при исполнении!), но никто из них так и не отважился помочь напуганным женщинам и детям. Правда, кто-то попытался объяснить самым непонятливым, что, мол, это местный “авторитет” гуляет, а когда он в гневе, то к нему лучше не подходить...»

Награда нашла героя

«На минувшей неделе о Ванине говорили не только в Хабаровске, но и в Москве, причем добрые слова. Все мы помним, какой резонанс вызвал репортаж “Пасха для братвы”, опубликованный в газете “Мое побережье”. Речь в нем шла об инциденте, который случился в ванинском храме на прошлую Пасху. Криминальный авторитет из Октябрьского поселка ворвался в церковь и на глазах у клириков и мирян учинил там погром. Законопослушные прихожане вызвали полицию, но вместо того, чтобы скрутить беспредельщика, стражи порядка предпочли играть роль наблюдателей. И вот теперь нам стало известно, что эта публикация была по достоинству оценена: Татьяна Седых стала лауреатом одной из самых почетных журналистских премий страны — премии Артема Боровика “Честь. Мужество. Мастерство”.

— Честно говоря, я отправляла на конкурс публикацию в последний момент и даже анкету не стала заполнять, потому что была уверена: ничего не выйдет, — рассказала нашему корреспонденту сама Татьяна. — Когда меня пригласили на церемонию вручения, я тоже еще не поняла, что происходит. Боялась одного — как бы не упасть на сцене: после того как сожгли мою машину, увеличилась нагрузка на позвоночник, часто стали полностью отказывать ноги.

Когда Татьяне вручали премию, зал встал. В том числе и журналисты, поэты, общественные деятели, которых знает вся страна. Между тем в самом Ванинском районе это событие вызвало смешанные чувства. Очень многие считают, что премия, тем более подкрепленная внушительной денежной суммой, — это, конечно, хорошо, но из-за этой победы Ванинский порт снова “прославился” на всю страну как криминальное гнездо и рассадник бандитизма».

* * *

— Татьяна? — Новый глава района Николай Ожаровский задумывается, и в этот момент у него появляется очень редкое выражение лица — блаженное недовольство. С таким лицом немолодые уже мужчины, как правило, думают о женщинах, которые им всю жизнь испортили, но которых они все равно любят. — Ну что вам сказать про Татьяну? Наверное, если бы

завтра газета «Мое побережье» закрылась, нам стало бы скучно жить. Мы ее выписываем, она для нас такой барометр настроений, не дает расслабляться. Но все-таки очень часто Таня перегибает палку, огульно критикует что-то, даже не попытавшись войти в положение. Ведь районные власти не всемогущи. Мне вообще кажется, что это у нее не столько профессиональное, сколько личное. Ну, нравится ей быть героем, вечным оппозиционером, жить в состоянии постоянной обороны. Наверное, если бы завтра она проснулась в другой стране, где все идеально и все счастливы, она тут же впала бы в депрессию. Мы бы уже могли сто раз подать на Татьяну в суд и выиграть, но мы ее бережем и вообще — она для нас вовсе не персона нон грата. Мы даже на планерки ее приглашаем, но она не ходит.

— Знаете что, — заочно отвечает главе района Таня Седых, — вот я с ужасом вспоминаю те годы, когда правил Мусянович, но иногда мне кажется, что при нем было лучше, чем теперь. Он нас давил, но зато по каждой публикации устраивал своим подчиненным разнос — я чувствовала, что каждый текст реально работает. А теперь нас не трогают, но и реакции никакой — что ты пишешь, что не пишешь.

— Но ведь есть же у нас и достойные люди, даже во власти, и почему бы их не прославлять? — парирует из своего кабинета бывший физрук Ожаровский. — Надо же как-то думать и о том, чтобы поднимать планку района, улучшать его имидж.

— Ага, вот и на том выездном заседании Общественной палаты хабаровские чиновники только и говорили: «Имидж края, имидж края». Сколько денег тратится на этот имидж — страшно подумать! Да вы сделайте на эти деньги хотя бы безбарьерную среду в нашем поселке — я же первая об этом положительную статью напишу.

* * *

— Папочка вредничает, папочка вредничает, — вздыхает Ольга Перминова, врач-фтизиатр, многодетная мать с высшим образованием.

— Отстаньте от меня, голова болит! — стонет папочка, не отрывая лица от подушки.

Бывший инспектор лесхоза на 88-м году жизни окончательно понял, что больше никому не верит. Последней, кому верил, была Татьяна Седых.

— Не обижайтесь, Павел Васильевич, — почти про себя говорит Таня, сжимая в руке допотопный крупнокассетный диктофон. — Я сделала все что смогла.

Шесть лет назад у Павла Иванченко, ветерана всего что только можно, выключился свет. Оказалось, что всю свою жизнь он прожил неправильно — злостно питался электричеством от железнодорожной линии, к которой его улицу Встречную подключили еще большевики в мохнатом году. Год назад выиграл суд. К нему даже пришли электрики и даже включили свет. Но тут же выключили, объяснив, что их дело — подключить, а теперь должны прийти те, кто будет эту линию обслуживать. А те, кто должен обслуживать, не идут и не идут, потому что формально никто за эту линию не отвечает, а фактически — никто и не хочет. После таких объяснений у Павла Васильевича выключилось сердце — дочка еле выходила отца после инфаркта.

— Когда я была маленькая, он все рассказывал про японскую войну и приговаривал: «Это ужас, что там японцы творили, это ужас, что японцы творили...» — говорит дочь-фтизиатр. — А теперь рассказывает про свои дела и приговаривает: «Это ужас, что тут русские творят...»

В доме у Павла Васильевича с его супругой Анной Ефремовной давно выполнены заветы президента по части энергосберегающих лампочек: другие от автомобильного аккумулятора долго не горят. Вместо холодильника — холодный ручей, который протекает мимо дома.

— Танечка, ты не расстраивайся, все у нас получится, я ведь тоже пробивная, да-да-да, — тараторит многодетная мать. — Вот у нас в отделении одно время вообще ничего не было, медикаментов не хватало, а я взяла и в «Поле чудес» написала.

— Куда?!

— Ну, Якубовичу. Вы не думайте, я не дура, я до этого и в Минздрав писала, и президенту — бесполезно. Дай, думаю, в «Поле чудес» напишу. И что вы думаете, проходит три месяца — и нас снабжают медикаментами. Мне потом на телевидении по телефону сказали, что они переслали мое письмо в Минздрав с пометкой: «Ну пожалуйста!» А тем, наверное, стыдно стало — все-таки Якубович.

Через час Татьяна решит для себя, что нет, все-таки она сделала не все, что смогла. Через два сядет писать двадцать первый репортаж про ветерана без света. А завтра утром принесет на почту очередную пачку телеграмм и заказных писем во все нужные и ненужные министерства и ведомства страны. После типографии это вторая часть расходов ее маленького бизнеса — такое ощущение, что прибыль для нее выражается не в деньгах, а в хороших новостях. На почте Таню уважают особенно, и не только как постоянного клиента. Пару лет назад она их тоже «опозорила» в своей газете: вы посмотрите, в каких условиях работают наши почтальоны?! После этого почту стремительно отремонтировали.

— Слушай, Таня, но ведь так не должно быть, — говорю я, пока мы ждем из типографии очередной «белый куб». — Журналист не должен помогать людям — в смысле, это не должно быть его целью. Наше дело — информировать, расследовать, вносить ясность в умы, а помогло это кому-то или нет — дело десятое. Я даже в чем-то понимаю тех великих московских журналистов, которые тебя футболили. Правозащитная деятельность — это совсем другая профессия, разве нет?

— Я раньше тоже так думала. Ты посмотри, что у меня написано под шапкой газеты: «Информационно-просветительский еженедельник». Знаешь, где происходят события, о которых писать мне приятней всего? В районной библиотеке и краеведческом музее. Но это в Москве можно написать про то, как погорельцы на улице живут, и забыть. А в маленьком городе ты этих погорельцев каждый день видишь, и они спрашивают: «Ну как?» И ты начинаешь долбить серьезных людей, ты уже не можешь иначе. А они начинают долбить тебя. И если ты

не совсем сволочь, то постепенно помощь людям становится главной частью твоей работы.

— Ты ощущаешь себя четвертой властью?

— Наверное, это слишком красиво звучит, но после той истории с «Востоком России» я по-настоящему это осознала. И еще я поняла, что мне тоже нужна своя вертикаль, иначе съедят. В Хабаровске есть несколько приличных изданий, и я с ними сотрудничаю. Они перепечатывают мои тексты, тема попадает в интернет, ее аудитория стремительно растет. Таким образом я расширила сферу своего влияния за пределы района, и с тех пор эффективность моих публикаций возросла в разы. Теперь мне уже никто не говорит: ну чего ты мечешься, все равно ничего не получится. Теперь уже все понимают: получится!

Обыкновенное чудо

«Фантастические события произошли в Александрово-Заводском районе нашего Забайкальского края. По крайней мере так считают мать и дочь Аклановы из села Бутунтай. Невозможно описать условия, в которых они живут, проще сказать, что живут они в девятнадцатом веке. И вдруг их проблема выносится на уровень замгубернатора, и в считанные месяцы вопрос с квартирой решается. Что же случилось?

— Однажды я прочитала небольшую заметку о смелой журналистке из Ванина, которая сама инвалид, но помогает людям, — рассказывает Людмила Акланова. — Я не знаю, зачем я это сделала, но я позвонила ей и разрыдалась в трубку. Татьяна обещала, что попытается помочь. И вот — помогла.

— Я написала о беде этой семьи губернатору Забайкальского края и подписалась не просто своим именем, а добавив: лауреат таких-то премий. Делаю это очень редко и лишь для того, чтобы использовать как инструмент влияния, — рассказала нам по телефону сама Татьяна Седых. — И дело сдвинулось с мертвой точки. Мне позвонил замгубернатора, очень вежливо со мной разговаривал, обещал, что все — решение уже принято, деньги выделяются из краевого бюджета, инвалиду купят квартиру в ближайшее время. Надеюсь, не обманет.

— То есть они просто думали, что имеют дело с каким-то большим и влиятельным журналистом из Москвы?

— Ну да. А когда поняли, что это не так, уже было поздно.

— Ну, почему же не так? Людмила и Диана обращались много куда — толку ноль. А вы помогли. Значит, вы действительно большой и влиятельный журналист, и неважно, где вы живете. Кстати, а где вы живете? В смысле, у вас самой-то квартира есть?

— Нет у меня ничего. Но это действительно неважно».

P. S.

Последние новости из газеты «Мое побережье». Квартиру инвалидам Аклановым все-таки дали: на днях справляют новоселье. Свет Павлу Васильевичу Иванченко коммунальщики наладили окончательно и бесповоротно. А колясочника, который целый час добирался от вокзала до администрации, теперь будет катать персональный социальный работник. Кажется, в администрации района хотели позитива? Получайте!

Профессиональные соображения

Первое соображение очень простое.

Писать репортажи нужно по утрам.

Да-да, я тоже типа сова, но все равно — по утрам. С вечера можно написать начало — знаков тысячу-полторы, а основное усилие лучше совершить с утра пораньше.

Написанные ночью репортажи получаются тяжелыми и вымученными. Кроме того, в это время суток человек подвержен излишней сентиментальности и склонен принимать за «особенности авторского стиля» много всякого такого, что на самом деле является банальной отсебятиной.

Так что будильник — лучший друг репортера.

* * *

Не надо никого жалеть.

Точнее, так — не надо пытаться сделать приятное кому бы то ни было из героев темы. Соображения типа: «Об этом я не буду писать, потому что

человек может обидеться» или, наоборот: «Напишу-ка я вот так, потому что человеку это может понравиться», очень сильно портят репортажи.

Это, конечно, не самоцель. Если что-то естественно ложится в ткань сюжета — пусть ложится. Но выворачивать самому себе руки, желая кому-то показаться добрым волшебником, — ни в коем разе.

Причем это «не жалеть» относится не столько к отрицательным персонажам (тут и так все понятно), сколько к положительным. Большинство из «замечательных людей», про которых мне довелось писать, были страшно недовольны тем, какими они в этих репортажах получились. Вон, спросите Юру Огурца из репортажа «Мужик работает» (с. 225) — у него до сих пор дым из ноздрей валит при одном упоминании моей фамилии. Потому что «замечательные люди», особенно в сельской местности, воспринимают журналиста как разновидность медали или почетной грамоты. Они ожидают прочитать про себя что-нибудь типа: «Особенно хочется отметить заслуги такого-то». А в тексте получился настоящий человек. Со всеми его морщинами, прыщами и бородавками. Без прыщей и бородавок эта авторская оценка была бы неубедительной. Герою кажется, что он опозорен, а в редакцию идут отклики и звонки — «побольше пишите про таких героев».

Как правило, разгневанные хорошие люди первые два дня после публикации обрывают мне телефон. А я не беру трубку. Потому что знаю — будут обзывать. А вот на третий день беру. Потому что знаю — этим хорошим людям уже обзвонились друзья-родственники и выразили свое восхищение тем, какой он в этом тексте супермен. И хороший человек уже не будет обзывать. Ну разве что повздыхает для порядка.

* * *

Все думают, что искусство репортера — правильно отображать действительность.

На самом деле искусство репортера — правильно искажать действительность.

Реальность, которую вы видите на месте события, — это стихотворение на иностранном языке. Если вы его просто дословно переведете — получится подстрочник, который никто читать не будет.

Получится тупой снимок мыльницей, который будет представлять интерес только для семейного альбома.

Чтобы в точности передать читателю то, что вы увидели и почувствовали, надо владеть «искусством косого взгляда». Видеть все не так. Лишь в этом случае реальность отобразится в точности.

Например, там, где читатель ждет от вас охов и ахов, потому что вы описываете нечто ужасное, надо подавить его подчеркнутой нейтральностью изложения — и тогда ужас действительно будет ужасом. Если же читатель ждет от вас последовательного изложения событий, можно выстроить эту последовательность в обратном порядке — от последнего дня к первому, как я сделал в своем репортаже из Беслана («Возвращение в август»). Пусть у читателя закружится голова.

И так во всем.

Читатель — это вообще такая сволочь, которой надо все время ставить подножку и бить морду, чтобы он хоть что-нибудь понял. Репортаж — это драка с читателем. С первых же строк — в табло и не давать опомниться ни на секунду. Как только он опомнится — тут же перестанет читать ваш текст.

* * *

Эмоция в репортаже должна быть предательской.

Вот что я имею в виду. Вы с читателем бежите вместе в одном направлении. Вы точно знаете, что впереди обрыв, а он не знает. Перед пропастью вы прибавляете скорость — читатель думает, что, раз вы ускоряетесь, значит, вам известно, что впереди хорошая прямая дорога. Но вот вы тормозите, а читатель с ходу летит в бездну. У него захватывает дух. Получилось! Это и есть правильная работа с эмоцией.

Никаких фраз типа «у меня зашевелились волосы на голове!», никаких «это было нечто невероятное!», никаких ахов и охов, как бы красиво они ни были выписаны. Все это — воровство эмоций у читателя. Авторский эксгибиционизм. Кричать должен он, а не вы. Потому что это читатель летит в бездну, а вы всего лишь стоите на краю.

Когда работаешь с эмоцией, читательские ожидания нужно самым наглым образом обманывать. Выражать эмоцию через контрэмоцию. Если читателю кажется, что сейчас автор начнет хихикать, надо сделать подчеркнуто серьезное выражение лица — получится еще смешнее. Если же он ждет, что сейчас автор будет плакать и ужасаться, надо выразить этот ужас через безразличие, как будто ничего ужасного и не случилось вовсе. Это пробьет его сильнее, чем заламывание рук и прочие дешевые жесты.

Пример из личного опыта. В моем репортаже о гибели «Курска» была сцена с родственниками погибших подводников. Они ехали в автобусе в гарнизон Видяево и почему-то не плакали, а смеялись. Военные психологи объяснили мне, что это называется неосознанной психологической

защитой. Если человек в такой ситуации смеется, значит, он дошел до крайней степени своего горя. Я постарался в одном абзаце передать этот ужас через этот смех. Надеюсь, получилось.

* * *

Для того чтобы писать хорошие репортажи, не обязательно хорошо уметь писать.

Репортаж — это прежде всего решение смысловой задачи. Тут важно уметь выстраивать текст, а не писать его. Хороший репортер не тот, кто литературно одарен, а тот, кто умеет нестандартно мыслить.

Можно написать репортаж подчеркнуто вымороженным языком, без всякой стилистической эквилибристики; это даже лучше — главное, чтобы текстом рулила осмысленная, сбалансированная композиция, отвечающая внутренней логике и скрытому ходу мысли. Если есть этот «маршрут текста», тогда все остальное может быть выстроено каким угодно парадоксальным образом — даже лучше, если парадоксальным. Подбор фактов, эпизодов, деталей, их притяжение, а еще лучше отталкивание — сами по себе должны производить такой искрящий эффект, чтобы не нужно было никакого «искусства письма».

Репортаж должен скорее быть похожим на киносценарий, чем на роман в миниатюре. Репортаж — это вообще не литература, как бы вам этого ни хотелось. Представьте себе, что вы не граф Толстой и даже не Федор Михайлович Достоевский, а Леонид Гайдай, Эмир Кустурица или Ларс фон Триер. Вот увидите — текст от этого только выиграет.